

УДК 94(47).073+94(47).081

Шапиро Б.Л.¹

**КУЛЬТУРА ТРИУМФА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ.
КОННЫЙ ПАМЯТНИК НИКОЛАЮ I**

Российский государственный гуманитарный университет

Shapiro B.L.

**THE CULTURE OF TRIUMPH IN IMPERIAL RUSSIA
EQUESTRIAN MONUMENT TO NICHOLAS I**

Russian State University for the Humanities

Аннотация. Со времен античности устойчивым конным образом был небесный покровитель, конный воин, поражающий врага. Затем образ святого, оберегающего свой народ от бедствий, заменяется символическим образом конного царя-триумфатора; в образе «Медного всадника» он стал одним из культурных символов русской истории. В николаевской России образ всадника стал зримым воплощением имперского триумфа. Наиболее полно идея триумфатора-правителя огромной и могущественной империи, воплотилась в конном памятнике Николаю I работы П.К. Клодта. В качестве приложения публикуется библиографический раритет из личного фонда великого князя Михаила Николаевича (сына императора Николая I) в Государственном архиве Российской Федерации. Это «Высочайше утвержденный церемониал торжественного открытия памятника императору Николаю I», поясняющий и дополняющий основные положения статьи.

Ключевые слова. Романовы, Николай I, Конная гвардия, парад, всадник, П.К. Клодт.

Abstract. Since antiquity, the stable equestrian image was the heavenly patron, horse warrior, defeating the enemy. Over time, the image of the saint, who protects his people from disasters, replaced by a symbolic image of the equestrian triumphant king. In the image of the “The Bronze Horseman” (Mednyi Vsadnik) he became one of the cultural symbols of Russian history. In Nicholas I Russia, the image of the rider became a visible embodiment of imperial triumph. The idea of the triumphant-ruler of a vast and powerful empire, most fully embodied in the equestrian

¹ Шапиро Бэлла Львовна — к. и. н, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

monument to Nicholas I by P.K. Klodt. As a supplement, we publish a bibliographical rarity from the personal collection of the Grand Duke Mikhail Nikolaevich, son of Emperor Nicholas I, in the State Archive of the Russian Federation – “The Highest Endorsed Opening Ceremony of the Monument to Emperor Nicholas I”, which explains and supplements the main provisions of the article.

Keywords. The Romanovs, Nicholas I, Horse Guards, parade, Horse Rider, Peter Klodt.

Страной чудовищных контрастов называли Россию иностранцы, размышлявшие о специфике русской культуры [3, с. 140]. Смешение несоединимого было одновременно пугающим и притягательным. Культурологическое осмысление природы этого явления закономерно связало его с другими особенностями русской культуры — разрушительными изменениями, «ломкой» культурно-исторических парадигм, наслоением «старых» и «новых» парадигм, но не последовательной их сменой, и тяготением к имперской державности [5, с. 199; 17, с. 88–96]. Эти устойчивые черты составили основу национальной культуры как ценностно-смыслового единства.

Размышления о проблеме национального самосознания приобрели новый вектор после ударов, нанесенных дворянскому либерализму подавлением восстаний 1825 (выступление декабристов) и 1830–1831 гг. (Польская война). Последовавший за этими событиями кризис русской дворянской культуры получил свое историософское осмысление в диалоге западничества и славянофильства — двух сторон одной культуры, двух форм русского романтизма [5, с. 201]. В те же годы романтические представления о историческом своеобразии России нашли свое выражение в творчестве двух крупнейших фигур русской классической культуры, обратившихся к двум традиционным «конным» мифологемам: упряжного коня и коня верхового; обе имели дуальную трактовку, и играли важнейшую роль, связанную с циклом смерть-возрождение-бессмертие.

Новую национально-государственную трактовку получил гоголевский образ русской тройки, вытекающий из широкого контекста русской культуры и имеющий глубокие национальные корни [5, с. 204–209; 10, с. 249–292]. Тройка, перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (цит. по: Гоголь Н.В. Мертвые души), воспетая поэтами более сотни раз [1, с. 105] как олицетворение русского характера, была горячо принята в качестве национального культурного символа. Россия, которая «разметнулась на полсвета» (цит. по: Гоголь Н.В. Мертвые души), предстала в апофеозе имперской славы, наводя ужас своим величием [10, с. 256, 272–276].

Практически одновременно (сюжет «Мертвых душ» обсуждался Н.В. Гоголем с А.С.

Пушкиным в сентябре 1831 г., первый том «Мертвых душ» был написан в 1835 г.; «Медный всадник» — во вторую болдинскую осень 1833 г.) [2, с. 139; 8, с. 363] русская культура обогатилась еще одним символическим образом, построенном на тех же идеологических коннотациях, и на тех же контрастных мотивах — ужаса и величия [4, с. 54; 10, с. 276–277]. Как и гоголевская тройка, «Медный всадник» недвусмысленно наследовал древним мифологемам (прежде всего, мифологеме конного героя-«змееборца») [12, с. 54; 14, с. 206].

Оба символических образа русской исторической судьбы органично встроились в контекст поисков национальной идеи. Мотивом, объединяющим обе поэмы, стал имперский пафос, а конь — выразителем силы и мощи нации и государства. Идеальным выразителем образа русского самодержца стал всадник [13, с. 297], а конная скульптура — идеальным выразителем имперской мощи.

История и иконография почитания всадника восходит к «темным векам» античности, когда в святилищах появляются первые скульптурные изображения *Heros Equitans*. Впоследствии выделяется иконографический образ конного царя-триумфатора, восходящий к триумфальной культуре императорского Рима [15]. В русской культуре свое наиболее полное образ триумфатора получил в николаевскую эпоху, согласно характерному для «жандарма Европы» пониманию армии, обозначающему ее высшее предназначение не столько для боя, сколько для парада.

Первым среди грандиозных николаевских триумфов был парад по случаю разгрома польского восстания (1831); далее последовала череда парадов, сопровождавших открытие Александрийской колонны (1834), свидание Николая I с австрийским императором и прусским королем в Калише (1835), 25-я годовщина победа в войне с Наполеоном в Вознесенске (1837) и открытие монумента на Бородинском поле (1839). «С тех пор, как в России существуют регулярные войска и, полагаю, с тех пор, как вообще существуют в мире солдаты, — был искренне убежден Николай I, — никогда не было видано что-нибудь более прекрасное, совершенное, могучее» [11, с. 27].

Среди всей гвардейской кавалерии — главного участника парадов — особо выделялся первый по старшинству Лейб-гвардии Конный полк, любимец императоров: «моя старуха Конная гвардия», — говаривал Николай I [16, с. 169]. Императора и полк связывали особые отношения: известно, что Николай I был зачислен в Конную гвардию и стал ее шефом в четырехмесячном возрасте (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 95. Л. 14), и его первым мундиром стал мундир конногвардейский [9, с. 6–7].

Закономерно, что образ императора Николая I получил историческое воплощение в виде монумента, где центром внимания была отлитая в бронзе статуя всадника в парадной

форме Конной гвардии, повелевающего Россией — вздыбившимся конем. Памятник, завершивший оформление Исаакиевской площади и ставший ее доминантой, стал итогом труда нескольких тысяч мастеров, работавших под руководством О. Монферрана [7]. Автором конной скульптуры был П.К. Клодт, в те годы первый и единственный мастер, способный на должном уровне монументализировать конный образ триумфатора. Итогом стал первый в Европе конный памятник на двух опорах, где всадник «уздой железной Россию поднял на дыбы» (цит. по: Пушкин А.С. Медный всадник).

Возведение монумента завершилось его торжественным открытием 25 июня 1859 г., ко дню рождения Николая I. Его помпезная презентация, детали которой мы можем видеть из архивного документа (ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 532. Л. 1 — Л. 3об.), публикуемого в качестве приложения к статье, представляла собой еще один — посмертный — триумф императора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Высочайше утвержденный церемониал торжественного открытия

памятника императору Николаю I.

25 июня 1859 г.

I

Июня 25-го дня, в 7 часов утра, пятью пушечными выстрелами с Петропавловской крепости, возвещено будет городу, что того числа имеет быть торжественное открытие памятника в Бозе почивающему ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I.

II

К 10-ти часам утра, по разосланным от Двора повесткам, соберутся: особы участвующие в поезде с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМ и ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВАМИ – в Зимний Дворец; а не участвующие в поезде: Члены Государственного Совета, Министры, Сенаторы, Придворные Дамы и Кавалеры, Статс-Секретари, особы имеющие вход за Кавалергардов, все Особы первых четырех классов с их супругами, находящиеся в С. Петербурге Предводители Дворянства и Депутаты от Купечества, прямо в Исаакиевский Собор, где, по указанию Церемониймейстеров, они займут места. Дамы в Русском платье, Чины Придворные, Военные и Гражданские в парадной форме. К тому же времени особы Дипломатического корпуса придут в доме Министра Государственных Имуществ. Заблаговременно пред сим сняты будут последние завесы, прикрывающие памятник.

III

Войска расставлены будут по распоряжению Военного Начальства.

IV

Рота Дворцовых Гренадер со знаменем будет занимать караул и посты при входных вратах Исаакиевского Собора и, по прибытии в оный ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ, станет шпалером по обе стороны от южных врат собора до памятника.

V

В 11 часов ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ГОСУДАРИ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ изволят выйти из Дворца и в воротах оног сесть на коней; после чего ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволит принять начальство над находящимися в строю войсками.

VI

Вслед за сим ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ, выйдя из внутренних покоев ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, в сопровождении Свиты, изволят шествовать чрез Концертную и Николаевскую залы, по парадной лестнице на Посольский подъезд, у которого приготовлены будут парадные экипажи.

VII

Когда ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ изволят сесть в экипажи, тогда поезд двинется из ворот Зимнего Дворца, по Дворцовой и Адмиралтейской площадям к Исаакиевскому Собору, в следующем порядке:

Лейб-Гвардии Кавказский Казачий Эскадрон Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, повзводно.

Обер-Офицер взвода Грузин Эскадрона Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Двенадцать Юнкеров взвода Грузин того же Эскадрона, но два в ряд.

Обер-Офицер того же Эскадрона.

Конюшенный Офицер верхом.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА с ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ АЛЕКСАНДРОЮ ИОСИФОВНОЮ, в парадной золоченой карете цугом, в восемь лошадей, у каждой лошади по конюшенному служителю; у правого колеса экипажа Обер-Шталмейстер, у левого Командир Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя; за ними четыре Камер-Пажа, по два с каждой стороны, и четыре конюха, все верхом.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволит ехать возле кареты ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

За ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ, ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРИ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ и Министры: ИМПЕРАТОРСКОГО Двора (он же Командующий ИМПЕРАТОРСКОЮ Главною Квартирою) и Военный, Генерал-Адъютанты, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-Майоры, Флигель-Адъютанты и Адъютанты ИХ ВЫСОЧЕСТВ.

Четыре Юнкера Грузин Лейб-Гвардии Кавказского Эскадрона Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, по два в ряд.

ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА и ОЛЬГА ФЕДОРОВНА, в парадной золоченой карете цугом, в шесть лошадей, у каждой лошади по конюшенному служителю; с каждой стороны экипажа по Шталмейстеру; за ними два Камер-Пажа и два конюха, верхом.

2-й взвод Лейб-Гвардии Кавказского Эскадрона Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

В парадных каретах:

Статс-Дамы и Камер-Фрейлины

Гофмейстерины ИХ ВЫСОЧЕСТВ

Фрейлины ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ

Фрейлины ИХ ВЫСОЧЕСТВ

Первые Чины Двора

Вторые Чины Двора

Дежурные Камергеры

Дежурные Камер-Юнкеры

В замке:

Конюшенный Офицер, верхом

Шесть конюхов, верхом

В заключение:

3-й и 4-й взводы Лейб-Гвардии Кавказского Эскадрона Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

VIII

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ, в экипажах изволят проехать мимо восточного и южного портиков собора к западному. Здесь ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ГОСУДАРИ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ слезают с коней, а ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ выходят из

экипажей и шествуют в собор, где в западных вратах будут встречены Высокопреосвященным Митрополитом и Членами Святейшего Синода, с крестом и святою водою. Прочие же особы, участвующие в поезде, при въезде на Исаакиевскую площадь, отделяются и следуют к северным вратам, где и выйдут из экипажей.

IX

Высокопреосвященный Митрополит и Члены Святейшего Синода, по встрече ИХ ВЕЛИЧЕСТВ и ИХ ВЫСОЧЕСТВ, выйдут крестным ходом из главного алтаря чрез южные врата на устроенный помост. ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЕЛИЕСТВА и ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА вступают за крестным ходом на помост, в сопровождении Придворных Дам и Кавалеров, и всех особ, прибывших в собор.

X

По вступлении крестного хода на помост, начнется благодарственно Господу Богу молебствие с коленопреклонением. После воспетия многолетия ИХ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ и всему Царствующему Дому, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволит снова принять начальство над войском. Тогда Протодиакон возгласит вечное поминовение в Бозе почивающему ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I. В это время войска, по личной команде ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, отдадут честь, а с Петропавловской крепости, с расположенных на Неве судов и изо всех орудий при войсках находящихся, произведется пальба; на Исаакиевском же соборе и ближайших церквях – колокольный звон.

XI

После многолетия Всероссийскому победоносному воинству, Высокопреосвященный Митрополит, осенив крестом воинство, возвращается с духовенством в соборе. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА, в предшествии Придворных Чинов и Кавалеров и в сопровождении Придворных Дам, изволят сойти с помоста и шествовать к памятнику. Члены Государственного Совета, Министры, Сенаторы, Статс-Секретари, Предводители Дворянства и Депутаты от Купечества, следуют за ВЫСОЧАЙШЕЮ Фамилею по четыре в ряд; прочие же Особы остаются на помосте. ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ обойдя вокруг памятника, для обзора оною, изволят войти в оставленную по правую сторону памятника особую палатку, в которую входят и непосредственные Свиты ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и ИХ ВЫСОЧЕСТВ ГОСУДАРЫНЬ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ. Придворные же Чины и Кавалеры и Придворные Дамы входят в дом Министерства Государственных Имуществ, куда также следуют все особы, шедшие за ИМПЕРАТОРСКОЮ Фамилею.

XII

Тогда Главноуправляющий Путиями Сообщения, под управлением которого сооружен памятник, поднесет ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ, ГОСУДАРЯМ ВЕЛИКИМ КНЯЗЬЯМ и ГОСУДАРЫНЯМ ВЕЛИКИМ КНЯГИНЯМ выбитые на сей случай медали. Особам первых двух классов, чужестранным Послу и Посланникам доставлены будут медали от Обер-Церемониймейстера.

XIII

В это время войска строятся к церемониальному маршу, имея в голове колоны Роту Дворцовых Гренадер со знаменем.

XIV

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ, во время церемониального марша, изволят оставаться в палатке.

XV

Рота Дворцовых Гренадер пройдя церемониальным маршем, вступает в караул к памятнику, по левую оною сторону.

XVI

Когда войска пройдут церемониальным маршем, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ, с Особами в поезде участвующими, садятся в экипажи у палатки; ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволит ехать верхом возле кареты ИХ ВЕЛИЧЕСТВ; и обратный поезд возвращается в Зимний Дворец, в том же порядке, по Адмиралтейской и Дворцовой площадям.

XVII

Ввечеру весь город, памятник и суда на Неве будут иллюминированы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 532. Л. 1 – Л. 3об. Церемониал открытия памятника императору Николаю I. 25 июня 1859 г. Здесь и далее техническая подготовка текстов из ГАРФ – Д.С. Муравьевой.
2. ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 95. Списки генералов и офицеров лейб-гвардии гусарского полка с 22 апреля 1818 по 1848 гг. Приложена справка о назначении Николая I шефом этого полка. Сентябрь 1848 г. 16 л.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андроников И.Л. Четырнадцать русских «Троек» // Андроников И.Л. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 94–106.

2. Гус М.С. Гоголь и николаевская Россия. М.: Гослитиздат, 1957. 374 с.
3. Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М.: ИРИ РАН, 1993. 239 с.
4. Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.
5. Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М.: Университет, 1999. 356 с.
6. Мароши В.В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 204–209.
7. Памятник Николаю I в Петербурге // Архитектурный вестник. 1859. № 3. Стб. 269–272.
8. Роговер Е.С. Русская литература первой половины XIX века. СПб.: Сага, 2004. 429 с.
9. Романов Н.П. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 21 с.
10. Сазонова Л.И. Русь – птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе // Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / ИМЛИ РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 249–292.
11. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л.: Воениздат, 1928. 620 с.
12. Сокурова О.Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы // Труды СПбГИК. 2009. Т. 185. С. 54–63.
13. Сокурова О.Б. Размышления А.С. Пушкина об исторической судьбе России в поэме «Медный всадник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 295–302.
14. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
15. Шапиро Б.Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология». Вып. VI. СПб.: НОКО, 2018. С. 209–215.
16. Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 230 с.
17. Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.

REFERENCES (transliteration)

1. Andronikov I.L. Chetyrnadcat' russkih «Troek» // Andronikov I.L. Sobranie sochinenij: v 3 t. Т. 2. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1981. S. 94–106.

2. Gus M.S. Gogol' i nikolaevskaja Rossija. M.: Goslitizdat, 1957. 374 s.
3. Dumova N.G. Liberal v Rossii: tragedija nesovmestimosti. M.: IRI RAN, 1993. 239 s.
4. Kara-Murza A.A. Pojema «Mednyj vsadnik» A.S. Pushkina: politiko-filosofskie proekcii // *Filosofskij zhurnal*. 2016. T. 9. № 2. S. 54–65.
5. Kondakov I.V. Kul'tura Rossii: kratkij ocherk istorii i teorii. M.: Universitet, 1999. 356 s.
6. Maroshi V.V. Trojka kak simbol istoricheskogo puti Rossii v russkoj literature HH veka // *Filologija i kul'tura*. 2015. № 2 (40). S. 204–209.
7. Pamjatnik Nikolaju I v Peterburge // *Arhitekturnyj vestnik*. 1859. № 3. Stb. 269–272.
8. Rogover E.S. Russkaja literatura pervoj poloviny XIX veka. SPb.: Saga, 2004. 429 s.
9. Romanov N.P. Vospominanija o mladencheskih godah imperatora Nikolaja Pavlovicha, zapisannye im sobstvennoručno. SPb.: Tip. R. Golike i A. Vil'borg, 1908. 21 s.
10. Sazonova L.I. Rus' – ptica-trojka Gogolja: sakral'nye osnovanija nacional'noj mifologemy i ee otrazhenija v literature // Sazonova L.I. Pamjat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ja i barokko v russkoj literature Novogo vremeni / IMLI RAN. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2012. S. 249–292.
11. Svechin A.A. Jevoljucija voennogo iskusstva. T. 2. M.; L.: Voengiz, 1928. 620 s.
12. Sokurova O.B. Georgij Pobedonosec i «Mednyj vsadnik» kak arhetipy russkoj istoricheskoi sud'by // *Trudy SPbGIK*. 2009. T. 185. S. 54–63.
13. Sokurova O.B. Razmyshlenija A.S. Pushkina ob istoricheskoi sud'be Rossii v pojeme «Mednyj vsadnik» // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2009. № 2. S. 295–302.
14. Fateeva N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. M.: Agar, 2000. 280 s.
15. Shapiro B.L. Kon' i vsadnik v mifah i obrazah russkoj kul'tury // *Al'manah Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologičeskogo obshhestva Rossii «Mir kul'tury i kul'turologija»*. Vyp. VI. SPb.: NOKO, 2018. S. 209–215.
16. Shtakel'berg K.K. Poltora veka konnoj gvardii. 1730-1880. SPb.: Tip. V. Demakova, 1881. 230 s.
17. Jakovenko I.G. Proshloe i nastojashhee Rossii: imperskij ideal i nacional'nyj interes // *Polis. Politicheskie issledovanija*. 1997. № 4. S. 88–96.

Рецензент: Самарцева Е.И., д-р. ист. наук, проф., ученый секретарь Тульского государственного музея оружия, проф. Тульского государственного ун-та.